

На правах рукописи

НАСОНОВ
Александр Александрович

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛАМАИЗМА
НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА
(КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВВ.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск 2011

Работа выполнена в лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор
Садовой Александр Николаевич

Официальные оппоненты

доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Петрович

кандидат исторических наук, доцент
Сусенков Евгений Иванович

Ведущая организация

ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Защита состоится «30» сентября 2011 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34 а.

Автореферат разослан «22» августа 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
профессор

О. А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Исследование пореформенного периода истории Российской империи продолжает оставаться актуальной задачей, стоящей перед научным сообществом. Одним из аспектов, требующих всестороннего научного осмысления, выступает процесс распространения тибето-монгольского буддизма (ламаизма) на территории национальных районов России. Изучение экспансии буддизма в Сибири приобрело особую актуальность в последние два десятилетия. В первую очередь это связано с отказом исторической науки от атеистической трактовки религиозных процессов, характерной для историографии советского времени. Немаловажным фактором является современная этноконфессиональная обстановка среди коренного населения Алтае-Саянского региона, сориентированного на возрождение традиционных верований. Религиозные постулаты сегодня особенно востребованы в молодежной среде¹.

В этой связи обозначился рост исследовательского интереса к данной проблематике. Он выразился в увеличении количества публикаций (монографий, статей, изданий справочного содержания) по религиозной истории. Возросло число конференций, форумов, дискуссий в научной периодике. Интенсивно рассматриваются вопросы историографии и источниковедения данной тематики. На сегодняшний день религиозные процессы конца XIX – первой трети XX вв. все чаще становятся предметом рассмотрения научных работ. Это объясняется необходимостью понимания преемственности ситуации указанного и современного периодов.

Степень изученности темы. Исследование духовной культуры населения Алтае-Саянского региона насчитывает более чем двухсотлетнюю историю. Во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. вопросы религиозной жизни описывались попутно с изысканиями географического, геологического, хозяйственного характера. В изучении распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона можно выделить следующие этапы: 1) XIX в. – 1904 г.; 2) 1904 г. – первая половина 1920-х гг.; 3) вторая половина 1920-х – первая половина 1980-х гг.; 4) вторая половина 1980-х гг. – настоящее время.

¹Белозерова М. В., Щеглова М. С. Толерантность и проблемы межкультурного взаимодействия в студенческой среде (по результатам социологического опроса студентов Кемеровского государственного университета культуры и искусств из числа коренных народов) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств (далее – КемГУКИ). – 2010. – № 13. – С. 90–98.

В рамках первого этапа общие проблемы распространения буддийского вероучения, становления его социальных и политических институтов стали предметом изучения отечественных востоковедов: И. П. Минаева, А. М. Позднеева, Ф. И. Щербатского, О. О. Розенберга, Б. Я. Владимирцова, П. К. Козлова, Э. Э. Ухтомского, Г. Ц. Цыбикова². Их изыскания основывались на личном наблюдении явлений и собственных полевых материалах. Для анализа ими активно привлекались переводы канонической литературы и исторических трактатов Тибета и Монголии. Во второй половине XIX в. традиционной культуре было уделено внимание в работах В. В. Радлова, Н. М. Ядринцева, В. И. Вербицкого. В. В. Радлов отмечал, что, несмотря на прочные позиции шаманства среди коренного населения, с востока его теснил буддизм, а с севера и запада – христианство³. По мнению Н. М. Ядринцева, активное обращение народов азиатской части России к буддийским и исламским постулатам объяснялось тем, что русские поселенцы не стремились заботиться о «просвещении инородцев», преследуя исключительно экономические интересы⁴. В. И. Вербицкий, имевший большой опыт миссионерской работы, особое внимание уделял характеристике анимистических и тесно связанных с ними шаманских традиций⁵. Стоит заметить, что упомянутые авторы являлись современниками и во многих случаях свидетелями большинства описываемых событий, следовательно, их работы могут использоваться в качестве источников.

После 1904 г., ввиду развертывания бурханистского движения в Горном Алтае, начался второй этап исследований. Появились публикации, связывающие центрально-азиатские религиозные процессы с изменением конфессиональной ситуации в Алтае-Саянском регионе. И. Новиков, выступая с позиций деятеля Алтайской духовной миссии (далее – АДМ), считал, что предводитель бурханистов действовал «под влиянием пропаганды ламства», а сама вера была «полубуддизмом»⁶. Такого

²Минаев И. П. Буддизм. Исследования и материалы. – СПб., 1887. – 160 с.; Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. – Элиста, 1993. – 512 с.; Позднеев А. М. К истории развития буддизма в Забайкальском крае // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. – 1887. – Т. 1. – С. 169–188; Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. – М., 1988. – 426 с.; Розенберг О. О. Труды по буддизму. – М., 1991. – 295 с.; Владимирцов Б. Я. Буддизм в Тибете и Монголии (Лекция на Первой буддийской выставке 1919 г.) // Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX в. – СПб., 1998. – С. 229–249; Козлов П. К. Монголия и Кам. – М., 1948. – 439 с.; Ухтомский Э. Э. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. – СПб., 1904. – 129 с.; Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. – Новосибирск, 1991. – Т. 1. – 256 с.; Т. 2. – 232 с.

³Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. – М., 1989. – С. 355.

⁴Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891. – С. 210–211.

⁵Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 61–106.

⁶Новиков И. Волнения и движения среди Алтайского язычества в мае и июне текущего года // Томские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). – 1904. – 15 сентября. – № 18. – С. 6–8.

же мнения придерживался С. И. Аккерблом⁷. Известный сибирский энциклопедист и областник Г. Н. Потанин называл естественным хождение легенд об Ойрот-хане в начале XX в. среди алтайцев, поскольку они в культурном отношении были более близки монголам, чем русскому населению⁸. Эксперт на процессе по бурханистскому делу Д. А. Клеменц указывал на то, что население Горного Алтая ощутило влияние ламаизма еще в период джунгарского господства в XVII – первой половине XVIII вв. К этому периоду им была отнесена борьба буддизма с шаманскими ритуалами. Такой же нетерпимостью отличался бурханизм в начале XX в.⁹ Игнорирование Д. А. Клеменцом социально-экономических и политических проблем распространения ламаизма можно объяснить его народническими взглядами и стремлением не допустить осуждения лидеров движения.

С конца 1910-х гг. стал разрабатываться другой аспект проблемы – роль религиозных влияний в национально-освободительном движении. В. И. Верещагин обратил внимание на то, что бурханистское вероучение впитало буддийские компоненты (почитание ламаистских изображений, возжигание перед ними лампад и др.). При этом автором в качестве главной причины недовольства алтайцев было отмечено вторжение русских в среду их обитания и деятельность АДМ¹⁰. Н. Бакай также указывал, что в конце XIX – начале XX вв. наблюдался рост проповедей монгольских лам. Несмотря на стремления российских властей пресечь эти действия, буддийские религиозные идеи оказались востребованными в ситуации, сложившейся на Алтае¹¹. А. В. Анохин объяснял двумя причинами рост популярности бурханизма: поддержкой вероучения в качестве ответа на рост миссионерских действий Русской православной церкви, протестом против земельной политики царского правительства на Алтае¹².

Во второй половине 1920-х гг. начался третий этап научного рассмотрения проблемы, когда обозначилось влияние марксистской парадигмы на изучение религиозных процессов. Акцентируя внимание на экономической и политической подо-

⁷Аккерблом С. И. О религиозном движении алтайских инородцев (Доклад на заседании Томского юридического общества 23 декабря 1904 г.) // Бурханизм. Док-ты и мат-лы. – Горно-Алтайск, 1994. – Ч. 1. – С. 40.

⁸Потанин Г. Н. Среднеазиатский мессианиззм // Сибирская жизнь (далее – СЖ). – 1904. – 18 июля. – № 155 (прилож.). – С. 2–4.

⁹Клеменц Д. А. Из впечатлений во время летней поездки в Алтай в 1904 г. // Известия Императорского Русского географического общества (далее – Изв. ИРГО). – 1905. – Т. XLI. – Вып. 1. – С. 155–159.

¹⁰Верещагин В. И. Очерки Алтая II. Бурханизм или «ан-янг» (белая вера) на Алтае // Сибирский расцвет. – 1919. – № 3–4. – С. 57–61.

¹¹Бакай Н. Легендарный Ойрот-хан (Из истории туземных движений на Алтае) // Сибирские огни (далее – СО). – 1926. – № 4. – С. 117–119, 124.

¹²Анохин А. В. Бурханизм в Западном Алтае // СО. – 1927. – № 5. – С. 162–167.

плеке распространения ламаизма в Сибири, Л. П. Мамет, П. Я. Гордиенко и В. В. Машенко утверждали, что Алтай был ареной борьбы русского и китайского торгового капитала. Монголы, находящиеся под властью Цинской империи, пытались посредством религии максимально вовлечь алтайцев в орбиту своего экономического влияния. Этому способствовала неприязнь к русской «колониальной» политике и недовольство изменением хозяйственного уклада¹³. В. В. Машенко сообщал о стремлении монголов воссоздать собственную государственность на теократической основе, и одним из средств достижения этой цели являлись активные проповеди ламаизма¹⁴.

С точки зрения А. Г. Данилина и Л. П. Потапова поборы правительства в виде увеличивающихся объемов ясака, переселение русских крестьян, методы колонизации территории, деятельность АДМ в конце XIX – начале XX вв. подготовили почву для проявления бурханизма. Он стал по форме религиозным движением, но по содержанию имел национально-освободительную направленность. Алтай фактически превратился в арену борьбы русского торгового капитала и «зайсанско-байской верхушки» юго-восточных районов, тесно связанной с китайским капиталом. «Агентом» последнего на монгольской территории являлось ламство. Такую же роль оно должно было исполнить и на Алтае, однако встретило сопротивление со стороны российских властей. Поэтому ламаизм смог проявиться только в новой, особой форме (ей и стал бурханизм)¹⁵.

Во второй половине 1930-х гг. с позиции новой концепции национального вопроса, утвердившейся в исторической науке под давлением руководства ВКП(б), предыдущие исследования роли бурханизма и монгольского влияния в национально-освободительном движении были подвергнуты жесточайшей критике*. Новая трактовка сущности бурханизма была дана Л. П. Потаповым. Взгляды Л. П. Мамета, В. В. Машенко, А. Г. Данилина (а также собственные прежние науч-

¹³Мамет Л. П. К вопросу о сущности бурханизма // Революционный Восток. – 1929. – № 7. – С. 211–232; Мамет Л. П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 52–56; Гордиенко П. Я. Ойротия. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 50–53; Машенко В. В. Алтай на пути к безбожию // Антирелигиозник. – 1931. – № 2. – С. 18–19.

¹⁴Машенко В. В. Алтай на пути к безбожию // Антирелигиозник. – 1931. – № 1. – С. 68; № 2. – С. 18–19.

¹⁵Данилин А. Г. Бурханизм (Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). – Горно-Алтайск, 1993. – С. 36–58; Данилин А. Г. Бурханизм на Алтае и его контрреволюционная роль // Советская этнография. – 1932. – № 1. – С. 63–91; Данилин А. Г. Из истории национально-освободительного движения на Алтае в 1916 г. // Борьба классов. – 1936. – № 9. – С. 36–45; Потапов Л. П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. – Новосибирск, 1933. – С. 186.

*Этот тезис подтверждается жесткой критикой позиции Л. П. Мамета, изложенной в труде «Ойротия» 1930 г., в газетных и журнальных публикациях того времени.

ные построения) были названы им «в корне неправильными». Автор отмечал, что «необходимо признать бурханизм реакционным националистическим движением, т. к. он ориентировался на отрыв Алтая от России». Был сделан акцент на ярко выраженный антирусский характер бурханизма и присутствие иностранного монголо-китайского и японского влияния¹⁶.

В 1950-х – начале 1980-х гг. проблематика распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона редко затрагивалась в исследованиях. Оценки бурханизма, данные Л. П. Потаповым в 1940-х гг., получили развитие в этот период в публикациях П. Е. Тадыева, С. А. Токарева и др.¹⁷. Мнение В. П. Гирченко¹⁸ о национально-освободительной роли бурханизма было подвергнуто жесткой критике на страницах газеты «Алтайская правда»¹⁹. С одной стороны, эту тенденцию в историографии вопроса можно объяснить тем, что однозначная общепринятая оценка бурханизму уже была дана и никакой критики не предполагала. С другой стороны, духовно-религиозная составляющая жизни коренного населения Сибири в целом рассматривалась через призму религиозных пережитков²⁰.

Начало современного этапа изучения распространения ламаизма в пределах Алтае-Саянского региона было связано с ослаблением идеологического контроля над историческими исследованиями, отказом от преимущественно отрицательных оценок религиозных явлений во второй половине 1980-х гг. А. М. Сагалаев выделил три периода взаимодействия алтайцев и их этнических предков с буддийским миром: 1) древнетюркское время (VI–IX вв.); 2) время зависимости алтайских племен от джунгар (XV – первая половина XVIII вв.); 3) проповедническая деятельность ламства Северо-Западной Монголии и формирование бурханизма (XIX – начало XX вв.). По оценкам исследователя, наиболее благоприятной обстановкой для внедрения буддийских элементов в религиозное сознание алтайцев был последний период, поскольку существовало недовольство земельной политикой и деятельно-

¹⁶Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. – Новосибирск, 1948. – С. 412–424.

¹⁷Тадыев П. Е. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма. – Горно-Алтайск, 1955. – 46 с.; Токарев С. А. Этнография народов СССР: исторические основы быта и культуры. – М., 1958. – С. 442; Скрипкин С. Явление Белого Бурхана // Звезда Алтая. – Барнаул, 1978. – 16 июня. – С. 4.

¹⁸Гирченко В. П. Революция 1905–1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке // Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России: сб. ст. – М., 1949. – С. 727–728.

¹⁹Раппопорт Г. Вредные попытки «улучшить» историю и правда о бурханистском движении на Алтае // Алтайская правда. – Барнаул, 1956. – 1 апреля. – С. 2.

²⁰Например: Кочетов А. Н. Буддизм-ламаизм и его пережитки в Советском Союзе // Атеистические знания – народу. – Л., 1963. – С. 167–197.

стью АДМ²¹. В 1985 г. Л. И. Шерстовой в кандидатской диссертации была предложена трактовка бурханизма как этноконсолидирующего движения южных алтайцев. Исследователем была сформулирована концепция, согласно которой эта вера сыграла «этноформирующую роль» при складывании народности алтай-кижи, посредством противопоставления его русскому этносу (по линии «мы» – «они»). Бурханизм характеризовался как «национально-религиозная идеология»²². На протяжении второй половины 1980-х – 2000-х гг. автор продолжала развивать данную концепцию в контексте этнополитической истории тюрков Южной Сибири, выпустив ряд публикаций²³ и защитив докторскую диссертацию²⁴. Кроме того, эта концепция нашла отражение в обобщающем монографическом издании «Тюркские народы Сибири»²⁵. В. Д. Славнин указал на связь между культовыми комплексами ламаизма джунгарского времени и бурханистскими молитвенными местами, исследовав святилище на уступе горы Подир-Таш близ села Ело Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области²⁶.

В 1990–2000-е гг. число научных публикаций, связанных с историей буддизма на территории Алтае-Саянского региона, значительно увеличилось. Это свидетельствовало о возросшем интересе к изучению данного вопроса. Согласно оценкам А. Н. Садового, изменения государственного курса в пореформенный период и проведение землеустройства, административной реформы повлекли постепенную

²¹Сагалаев А. М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния. – Новосибирск, 1984. – С. 4–5; Сагалаев А. М. Христианизация алтайцев в конце XIX – начале XX в. (методы и результаты) // Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1984. – С. 120–127.

²²Шерстова Л. И. Алтай-кижи в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Л., 1985. – С. 2–14 (текст диссертации опубликован: Шерстова Л. И. Бурханизм: истоки этноса и религии. – Томск, 2010. – 288 с.)

²³Шерстова Л. И. О религиозном синкретизме алтайцев в конце XIX – начале XX в. (на примере алтай-кижи) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: тез. докл. – Томск, 1985. – С. 163–165; Шерстова Л. И. Тайна долины Теренг. – Горно-Алтайск, 1997. – 192 с.; Шерстова Л. И. Переходные этносы и формы этнической самоидентификации (Южная Сибирь, начало XX в.) // Американские исследования в Сибири. – Вып. 2. Американский и сибирский фронт: мат-лы междунар. науч. конф. – Томск, 1997. – С. 144–156; Шерстова Л. И. Бурханизм в Горном Алтае: истоки национальной идеологии и тенденции ее развития // Народы Сибири: сб. науч. трудов. (Сиб. этнограф. сб. 8) – М., 1997. – Кн. 3. – С. 171–215; Шерстова Л. И. Ментальность переходного этноса. Южная Сибирь в XIX–XX вв. // Сибирь в панораме тысячелетий (мат-лы междунар. симпозиума). – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 506–514; Шерстова Л. И. Ламаизм в Горном Алтае: условия и результаты распространения // Четвертые востоковедческие чтения памяти С. Г. Лившица. – Барнаул, 2002. – С. 237–243; Шерстова Л. И. «Новые» этносы и «новые» религии: к проблеме генезиса этнического самосознания (на материалах тюркских сообществ Западной Сибири XIX–XX вв.) // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск, 2005. – С. 69–77 и др.

²⁴Шерстова Л. И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири XVII – начала XX вв.: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. – Томск, 1999. – 46 с.

²⁵Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. – М., 2006. – С. 436–442.

²⁶Славнин В. Д. Старинное святилище близ села Ело в Горном Алтае // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии, философии. – 1990. – Вып. 2. – С. 67–69.

ликвидацию привилегированного социального статуса, традиционной системы самоуправления и судопроизводства автохтонного населения Алтае-Саянского региона. Ответом на эти меры стали действия алтайской социальной верхушки, которая боролась не только за сохранение собственной власти, но и за ее экономическую основу – традиционную систему землепользования и поземельных отношений. Противостояние вылилось в развертывание бурханистского движения²⁷.

В этот период также была «расширена» география буддийского влияния на духовную культуру народов Алтае-Саянского региона. В. Я. Бутанаев высказал мнение, что среди хакасов в начале XX в. протекали аналогичные конфессиональные процессы, как и в Горном Алтае. Их этнические предки также испытывали разнообразные религиозные воздействия, в том числе с VIII в. буддийское²⁸.

Отдельные аспекты буддийского влияния были затронуты в диссертационных работах Е. Е. Ямаевой, В. А. Клешева, Д. В. Арзютова, Н. О. Тадышевой²⁹.

Рассматриваемая проблематика в 1990–2000-е гг. нашла отражение не только в монографических и диссертационных работах, но и в публикациях в научных журналах, тематических сборниках и материалах конференций. В 1994 и 2004 гг. состоялись мероприятия, посвященные годовщинам событий 1904 г. В итоге было издано два сборника документов и материалов, содержащих выдержки из источников и ранних научных изысканий³⁰, опубликованы материалы научно-практической конференции, посвященной бурханизму³¹. Кроме этого, рассматриваемые вопросы стали предметом обсуждения на конференциях по истории и этнографии Алтая. Они нашли освещение в публикациях Р. А. Кушнерик, Ю. А. Лысенко, Н. Ю. Храповой, А. И. Молчановой, А. В. Щур³².

²⁷Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX вв.) – Кемерово, 1992. – С. 153; Садовой А. Н. Народы Южной Сибири в XIX–XX вв. Этносоциальные аспекты патернализма: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. – СПб., 2000. – С. 25.

²⁸Бутанаев В. Я. История возникновения и формирования бурханизма у хакасов // Сибирь в панораме тысячелетий (мат-лы междунар. симпозиума). – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 101–105; Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан, 2003. – 260 с.

²⁹Ямаева Е. Е. Духовная культура алтайцев: Миф. Эпос. Ритуал: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. – СПб., 2002. – 41 с.; Клешев В. А. Современная народная религия алтай-кижи: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Томск, 2006. – 24 с.; Арзютов Д. В. Шорцы и северные алтайцы в XIX – начале XXI в.: этноконфессиональные аспекты взаимодействия традиционных верований и христианства: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – СПб., 2007. – 21 с.; Тадышева Н. О. Влияние христианизации на семейную обрядовость коренных народов Горного Алтая: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Томск, 2010. – 27 с.

³⁰Бурханизм. Док-ты и мат-лы / сост. Н. А. Майдунова, Н. А. Тадина. – Горно-Алтайск, 1994. – Ч. 1. – 208 с., Ч. 2. – 122 с.; Бурханизм – Ак жанг: док-ты и мат-лы. К 100-летию событий в долине Теренг / отв. ред. Н. В. Екеев. – Горно-Алтайск, 2004. – 144 с.

³¹Движение Ак жанг (белая вера) – Бурханизм на Алтае: взгляд через столетие: мат-лы науч. конф., посвященной 100-летию событий в долине Теренг. – Горно-Алтайск, 2004. – 282 с.

³²Кушнерик Р. А. Основные периоды адаптации буддийской культуры на территории Горного Алтая // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: мат-лы IV междунар. науч.-практ.

В 2005 г. вышел тематический номер журнала «Этнографическое обозрение», посвященный бурханизму. По мнению Н. В. Екеева, тезис о «доминирующей роли внешнего фактора (монгольского ламаизма)» в становлении этого религиозного движения не нашел подтверждения³³. Е. П. Батьянова обратилась к изучению телеутской версии бурханистского учения³⁴. В. К. Косьмин охарактеризовал его как некий «промежуточный этап», «динамический переход» от шаманизма к буддизму у алтайцев под влиянием монгольской культуры³⁵. Н. А. Тадина высказала мнение, что появление этого движения было следствием вынужденного сокращения обрядовых расходов на дары в виде скота и ритуального угощения³⁶. Отмечая двойную роль бурханизма, Л. И. Шерстова указала, что он явился основой для консолидации алтайцев в сложное переходное время и сущностью, содержащей в себе элементы принадлежности и к традиционной духовной культуре алтай-кижи, и к буддийскому влиянию³⁷.

Вместе с тем, наметилось обращение к этноконфессиональной проблематике истории Алтае-Саянского региона философов и культурологов³⁸, а также зарубежных авторов³⁹. В 1990–2000-е гг. исследователей заинтересовал сам процесс изучения истории бурханистского движения и ламаизма⁴⁰.

конф. – Барнаул, 2003. – Вып. 4. – С. 169–175; Кушнерик Р. А. Природа религиозного синкретизма на примере бурханизма // Этносоциальные процессы в Сибири: тематич. сб. – Новосибирск, 2004. – Вып. 6. – С. 182–185; Лысенко Ю. А. К вопросу об этноконфессиональной ситуации на Алтае на рубеже XIX–XX вв. // Культура Алтайского края как опыт толерантного взаимодействия сопредельных территорий: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2007. – С. 499–502; Храпова Н. Ю., Молчанова А. И. К вопросу о становлении и сущности бурханизма на территории Горного Алтая в начале XX в. // Проблемы духовного развития России: история и современность: мат-лы междувуз. науч. конф. – Барнаул, 2007. – С. 169–172; Щур А. В. Бурханизм на Алтае: значение и основные периоды адаптации // Актуальные проблемы развития социально-политического и религиозного пространства России: сб. ст. – Барнаул, 2007. – Вып. 3. – С. 134–137.

³³Екеев Н. В. Движение бурханистов на Алтае в 1904–1905 гг. // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 4. – С. 19–20.

³⁴Батьянова Е. П. Телеутская версия бурханизма // Там же. – С. 79.

³⁵Косьмин В. К. Влияние монгольского буддизма // Там же. – С. 63.

³⁶Тадина Н. А. Этническая консолидация и преемственность поколений в осмыслении бурханизма // Там же. – С. 39–40.

³⁷Шерстова Л. И. Бурханизм в Горном Алтае // Там же. – С. 37.

³⁸Хомушку О. М. Религиозный синкретизм у народов Саяно-Алтая: Автореф. дис. ... докт. философ. наук. – М., 2006. – 53 с. и др.; Ан С. А. Традиционное и новационное в религиозном сознании бурханистов // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат-лы III науч.-практ. конф. – Барнаул, 1998. – С. 110–114 и др.; Маняхина М. Р. Русская православная церковь в конфессиональных процессах в истории культуры Сибири (XVII – начала XX в.): Автореф. дис. ... докт. культурологии. – СПб., 2003. – 39 с. и др.; Нестерова С. В. Структурообразующие факторы региональной культуры юга Западной Сибири (XVIII – первая треть XX вв.). – Барнаул, 2004. – 334 с. и др.

³⁹Znamenski A. A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. – Westport, 1999. – 306 p.; Vinogradov A. Ak Jang in the context of Altai religious tradition. – Saskatoon, 2003. – 214 p.; Halemba A. Contemporary religious life in the Republic of Altai: the interaction of Buddhism and Shamanism // Sibirica. – October, 2003. – Vol. 3. – № 2. – Pp. 165–182.

⁴⁰Майдурова Н. А. Проблемы «Ак жанг» (белой веры) в отечественной историографии последнего десятилетия // Движение Ак жанг (белая вера) – Бурханизм на Алтае: взгляд через столетие: мат-лы науч. конф. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 236–240; Кичекова Б. Ю. Советская и современная историография бурханизма // Соци-

В целом, оценивая историографию вопроса, можно обозначить ряд проблем. *Во-первых*, продолжает оставаться открытым вопрос о степени влияния ламаизма на религиозные воззрения коренных народов рассматриваемого региона. Роль буддийского компонента в составе бурханистского движения оценивалась и продолжает трактоваться по-разному: от полного признания решающей роли ламаизма в формировании бурханизма⁴¹ до отрицания сколько-нибудь значимого влияния этой мировой религии на верования народов Алтае-Саянского региона⁴². *Во-вторых*, не дана оценка места распространения ламаизма на указанной территории в общем процессе проникновения и закрепления буддийского учения в Центральной Азии. *В-третьих*, описаны внутрироссийские факторы внедрения ламаизма, но характеристика внешних условий, как правило, сводится к упоминанию нахождения южно-сибирских этносов в составе Джунгарии и насильственному насаждению этой мировой религии. Отсутствует анализ сочетания этих условий, что не позволяет ответить на вопрос о разной степени укоренения ламаизма в Забайкалье и среди алтайкижи, телеутов и хакасов. *В-четвертых*, комплексно не показано как ламаистские постулаты воспринимались коренным населением и интерпретировались религиозным сознанием под воздействием других конфессиональных факторов. Таким образом, проблема распространения ламаизма в пределах Алтае-Саянского региона требует детального изучения.

Объект исследования – ламаизм на территории Алтае-Саянского региона.

Предметом исследования является процесс распространения ламаизма среди коренных народов российской части Алтае-Саянского региона в конце XIX – первой трети XX вв.

Территориальные рамки исследования совпадают с российской частью Алтае-Саянского региона конца XIX – первой трети XX вв. (это в первую очередь Бийский и Кузнецкий уезды Томской губернии, а также Минусинский, Канский, Ачинский, Красноярский округа Енисейской губернии, Нижнеудинский округ Иркутской губернии).

ально-политические проблемы регионов Сибири: сб. науч. тр. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 161–168; Романова С. В. Современная этноконфессиональная ситуация у алтайцев: истоки и тенденции // Полевая этнография – 2006: мат-лы междунар. конф. – СПб., 2007. – С. 269–275.

⁴¹Космин В. К. Западная Монголия и Горный Алтай (К вопросу о влиянии монгольского буддизма на алтайский бурханизм) // Движение Ак жанг (белая вера) – Бурханизм на Алтае: взгляд через столетие: мат-лы науч. конф. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 200–221.

⁴²Муйтуева В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 161–162.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XIX – первую треть XX вв. Нижняя граница обусловлена активизацией проповеднической деятельности ламаистского духовенства Северо-Западной Монголии (части Цинской империи) на территории Алтая; верхняя – началом коренных преобразований в политической, социально-экономической и духовной жизни населения России в целом, Алтае-Саянского региона в частности, изменением конфессиональной и национальной политики органов государственной власти после революционных событий 1917 г. и гражданской войны. Выход материалов первой главы за указанные временные рамки объясняется необходимостью охарактеризовать механизм распространения буддийского вероучения и очертить круг тех постулатов этой конфессии, которые были восприняты этносами Центральной Азии, в том числе автохтонным населением Алтае-Саянского региона.

Цель исследования – выявить механизм (причинно-следственные связи) распространения ламаизма в структуре религиозных воззрений коренного населения Алтае-Саянского региона на рубеже XIX–XX вв.

Для достижения цели были сформулированы следующие **задачи**:

- проанализировать механизм распространения буддийского учения на территории Центральной Азии, охарактеризовав особенности восприятия его идей этносами данного региона и генезиса ламаизма;
- дать оценку внешним и внутренним социально-политическим и культурным условиям экспансии ламаизма на территории российской части Алтае-Саянского региона в конце XIX – первой трети XX вв.;
- изучить влияние ламаизма на трансформацию пантеона, культа, функций проповедников и священнослужителей коренного населения.

Методология и методы исследования. Подход автора к исследованию определяется стремлением дать **объективный анализ ситуации**. Методологической основой исследования стали **принципы системного подхода**. Основные вопросы распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона рассмотрены в контексте внешнеполитических и этнокультурных факторов, которые были определены процессами, протекавшими в монгольской и тибетской частях Цинской империи. Особое внимание уделяется оценке социально-экономической ситуации в регионе и изменению принципов государственного курса в конце XIX – первой трети XX вв. В анализе внешнеполитических и внутренних факторов, рассматриваемых

как влияние среды, автор опирался на *принцип историзма*, изучая основные составляющие интересующих его проблем в контексте исторической реальности.

В *проблемно-хронологическом срезе* ретроспективно описаны волны внедрения буддийского вероучения в Центральной Азии. На основе анализа особенностей становления данной конфессии обосновывается механизм его распространения. *Историко-сравнительный метод (компаративный анализ)* позволил выявить и сопоставить характерные черты данного механизма, причины разницы во времени укоренения постулатов этой мировой религии. С помощью *историко-генетического сравнения* обозначена роль правящих элит общества в зарождении и развитии клерикальных и теократических институтов. *Структурно-функциональный метод* позволил проанализировать изменения представлений о значении и функциях сверхъестественных существ в пантеонах буддизма махаяны и ламаизма, шаманизма и бурханизма, концепции перерождения, восприятий легендарных и мифологизированных личностей. Этот метод также был использован для характеристики трансформации функций служителей культов.

Источниковая база исследования. В исследовании использовались сведения опубликованных и неопубликованных источников. Последние сосредоточены в девяти фондах пяти архивохранилищ, из которых два являются региональными: Государственный архив Томской области (далее – ГАТО), Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее – ЦХАФ АК). Три архива имеют федеральный статус: Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее – АМАЭ РАН), Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН).

Опубликованные и неопубликованные источники по теме исследования можно разделить на несколько групп. В *первую группу* были включены *международные акты и документация дипломатических сношений*, позволяющие проследить связь процессов международного и внутрисоссийского уровней. Это – Пекинский дополнительный договор об определении русско-китайских границ, Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской границы⁴³, а также нота министерства иностранных дел России, врученная британскому послу в Санкт-

⁴³Пекинский дополнительный договор об определении русско-китайских границ, порядке дипломатических сношений и о торговле в Кульдже от 2 ноября 1860 г. // Русско-китайские отношения (1689–1916 гг.): официальные док-ты. – М., 1958. – С. 34–40; Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской границы от 25 сентября 1864 г. // Там же. – С. 46–49.

Петербурге А. Никольсону в августе 1907 г.⁴⁴. Источники этой группы были использованы для решения второй задачи данного исследования. Анализ этих документов позволяет автору учесть фактор длительной, почти беспрепятственной профессиональной экспансии ламаизма с территории Цинской империи.

Ко *второй группе* относятся *нормативные акты* Российской империи. Важным документом, позволяющим оценить меры центральной власти в отношении буддийского духовенства на юге Восточной Сибири, является «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири» 1853 г.⁴⁵. Оно стало государственным актом, завершившим формирование правового статуса буддистов в одной ее части, тогда как в другой (Алтае-Саянском регионе) это вероучение официально не признавалось. Другим нормативным актом, определявшим положение буддийской конфессии, был «Устав духовных дел иностранных вероисповеданий» 1896 г.⁴⁶. Большое значение для выявления исторических условий внедрения ламаизма в духовную культуру народов Алтае-Саянского региона имеют общегосударственные нормативные акты. Среди них документы, определяющие порядок административных и поземельных преобразований⁴⁷, а также появившиеся в ходе революции 1905–1907 гг. и с момента вступления в силу устанавливающие вероисповедные права подданных России. Это – именной Указ «Об укреплении начал веротерпимости»⁴⁸, Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» 1905 г.⁴⁹. Анализ нормативных актов необходим для решения второй задачи исследования.

Третью группу формирует *делопроизводственная документация*, включающая распорядительные и отчетные материалы, текущую переписку должностных лиц. К ним относятся документы Томского губернского управления, включающие донесения, рапорты, телеграммы, докладные записки и т. д. Ряд важных сведений о религиозной ситуации на территории Алтая излагаются в отчетных до-

⁴⁴Нота российского министерства иностранных дел Великобритании, врученная британскому послу в Петербурге А. Никольсону от 18 августа 1907 г. // Россия и Тибет: сб. русских архивных док-тов, 1900–1914. – М., 2005. – С. 116.

⁴⁵Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири (высочайше утверждено 15 мая 1853 г.) // Вашкевич В. В. Ламаиты в Восточной Сибири. – СПб, 1885. – С. 127–137.

⁴⁶Из «Устава духовных дел иностранных исповеданий» об управлении духовных дел ламаитов и язычников, 1896 г. // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX в.): сб. правовых актов и док-тов. – Тюмень, 1999. – С. 180.

⁴⁷Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях // Сибирские переселения: док-ты и мат-лы. – Новосибирск, 2003. – Вып. 1. – С. 38–57 и др.

⁴⁸Именной высочайший Указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. – Т. XXV: 1905. – СПб., 1908. – С. 237–238.

⁴⁹Манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. // Ведомости СПб. градоначальства. – 1905. – 18 октября. – № 221. – С. 1.

кументах бийского уездного исправника В. И. Тукмачева томскому губернатору К. С. Старынкевичу⁵⁰. Высокой степенью информативности обладают акт и рапорт, составленные специальным посланником томского губернатора А. Брунновым. Эти документы передают сведения об обстоятельствах бурханистского коллективного моления 1904 г., о причастности к событиям должностных лиц, русских крестьян и «инородцев», в них делаются первые выводы о причинах обострения ситуации на Алтае⁵¹. Кроме этого, к данной категории источников следует отнести отчетную документацию АДМ, отложившуюся в региональных и центральных архивохранилищах (РГИА, ГАТО, ЦХАФ АК)⁵². Анализ делопроизводственной документации дает возможность решать вторую и третью задачи данной работы.

В четвертую группу источников включены *научные сообщения и отчеты*. Среди них материалы С. И. Аккерблома (Томское юридическое общество)⁵³, Г. Д. Няшина (Алтайское географическое общество)⁵⁴, а также Д. А. Клеменца, эксперта на процессе по бурханистскому делу 1906 г., изложившего свое видение религиозных волнений на Алтае в 1904 г. на заседании Императорского Русского географического общества (далее – ИРГО)⁵⁵. К этой группе также можно отнести очерк защитника на суде по делу бурханистов М. Соболева⁵⁶. Не утратившие научную актуальность научные материалы отложились в СПФ АРАН. Это – сообщения для Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии (далее – РКИСВА) А. В. Анохина о поездке к алтайцам 1914 г., отчет этнографического отряда Алтайской антропологической экспедиции 1927 г., составленный А. Г. Данилиным и содержащий сведения о бурханизме у телеутов⁵⁷. Сведения, содержащиеся в источниках данной группы, имеют особое значение, так как авторы сообщений и отчетов исследовательского характера стремились с научной точки зрения дать оценку про-

⁵⁰ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688. Л. 15–16 об., 42, 43, 214, 278–279 и др.

⁵¹Акт, составленный старшим советником Томского губернского управления бароном А. Брунновым о событиях в долине Теренг 14 июля 1904 г. // Бурханизм – Ак жанг: Док-ты и мат-лы. К 100-летию событий в долине Теренг. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 10–15; ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688. Л. 293–301 об.

⁵²РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1255; ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25, 32; ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 85.

⁵³Аккерблом С. И. О религиозном движении алтайских инородцев (Доклад на заседании Томского юридического общества 23 декабря 1904 г.) // Бурханизм. Док-ты и мат-лы. – Горно-Алтайск, 1994. – Ч. 1. – С. 40–41.

⁵⁴Няшин Г. Д. Борьба трех вер на Алтае (Доклад на заседании Алтайского географического общества от 16 апреля 1930 г.) // ЦХАФ АК. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 18 а. Л. 1–17.

⁵⁵Клеменц Д. А. Из впечатлений во время летней поездки в Алтай в 1904 г. // Изв. ИРГО. – 1905. – Т. ХLI. – Вып. 1. – С. 155–159; Клеменц Д. А. Религиозное движение на Алтае (Сообщение на заседании ИРГО) // Бурханизм. Док-ты и мат-лы. – Горно-Алтайск, 1994. – Ч. 1. – С. 30–31.

⁵⁶Соболев М. К истории бурханизма у алтайских калмыков (Из очерка защитника на процессе бурханистов в Бийском окружном суде 1906 г.) // Док-ты по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII – начала XX вв.). – Барнаул, 1997. – С. 345–354.

⁵⁷СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 80.; Ф. 135. Оп. 2. Д. 101.

исходящим процессам. Эта группа источников используется для решения второй и третьей задач работы.

В *пятую группу* объединены *материалы личного происхождения*. В ее составе можно выделить особенно важные для данного исследования полевые дневники и заметки путешественников и этнографов, которые отложились в указанных архивохранилищах и частично опубликованы. Применительно к истории распространения буддизма среди монголов это – дневники Г. Рубрука, П. Карпини, М. Поло⁵⁸. Разные стороны деятельности ламаистского духовенства были описаны в труде «Буддист-паломник у святынь Тибета» Г. Ц. Цыбикова, составленном в ходе его путешествия в 1899–1902 гг.⁵⁹, а также дневниках Б. Б. Барадийна 1906–1907 гг.⁶⁰. С опорой на эти источники решается первая задача данной работы. Проблемой распространения буддизма на Алтае интересовались деятели АДМ. Информация, воспринимаемая ими во время работы с коренным населением, нашла отражение в записках руководителей АДМ (протоиерея С. Ландышева, епископа Иннокентия) и ее священнослужителей: В. И. Вербицкого, Л. Кумандина, Т. Петрова, И. Бобракова, В. Россова, Н. Зырянова, С. Романова-Тупикина и др. Большая часть миссионерских материалов на сегодняшний момент находится в фондах РГИА, ГАТО, ЦХАФ АК⁶¹. Особую важность для данного исследования представляют полевые материалы, собранные этнографами в 1910–1930-е гг.: данные о традиционном пантеоне и шаманских традициях алтайцев А. В. Анохина⁶²; описания культовых мест и обрядов, наблюдения, произведенные А. Г. Данилиным⁶³. Эта группа источников является наиболее информативной, поскольку отличается обширностью сведений, содержащихся в документах, а также сочетанием в лице автора получателя информации и ее исследователя. Данная группа позволяет получить сведения для решения второй и третьей задач исследования.

К *шестой группе* источников были отнесены *материалы периодической печати*. Основу этой категории источников составляют публикации в официаль-

⁵⁸Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957. – 270 с.; Поло М. Путешествие. – Л., 1940. – 295 с.

⁵⁹Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. – Новосибирск, 1991. – Т. 1. – 256 с.

⁶⁰Барадийн Б. Б. Жизнь в Тангутском монастыре Лавран: Дневник буддийского паломника (1906–1907 гг.). – Улан-Удэ, 2002. – 256 с.

⁶¹РГИА. Ф. 796. Оп. 137. Д. 866.; Оп. 440. Д. 1256–1257; ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688; ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 4, 5, 32, 55, 79, 86, 88, 93, 99, 100, 121; Оп. 2. Д. 18, 42, 53, 101.

⁶²АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1; Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению РКИСВА // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1924. – Т. IV. – Вып. 2. – 136 с.

⁶³АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 6–13, 29, 49, 50, 56; СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 102.

ном печатном органе Томской епархии «Томские епархиальные ведомости»⁶⁴, в издании Православного миссионерского общества в Москве «Православный благовестник»⁶⁵, а также журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник»⁶⁶. Личное восприятие происходивших процессов находило отражение в светской периодической печати. Ярким примером этому являлись публикации Г. Н. Потанина⁶⁷ и В. Я. Шишкова⁶⁸ в томской газете «Сибирская жизнь», на страницах которой известные исследователи Сибири повествовали о своих наблюдениях и собранных фактах, а также излагали собственное видение этноконфессиональной ситуации. Информация, содержащаяся в документах этой группы источников, была использована для решения третьей задачи данной работы.

Таким образом, сопоставление сведений различных категорий источников позволяет достичь полноты и достоверности освещения происходивших событий и явлений, детально и адекватно найти решение поставленным задачам.

Положения, выносимые на защиту:

1) Механизм внедрения ламаизма в духовную культуру и структуру социально-политических и экономических отношений характеризовался интенсивной проповеднической деятельностью его адептов на территории распространения (Центральная Азия, в том числе Алтае-Саянский регион), поддержкой со стороны части господствующих слоев общества, включением традиционных воззрений и религиозных практик в состав вероучения, пантеона и обрядовости.

2) На рубеже XIX–XX вв. сложился ряд внешних и внутрисоссийских факторов распространения ламаизма в российской части Алтае-Саянского региона. Среди первых ведущими были: особенности включения различных монгольских государ-

⁶⁴Новиков И. Волнения и движения среди Алтайского язычества в мае и июне текущего года // ТЕВ. – 1904. – № 18. – С. 1–10; Отчет АДМ за 1904 г. // ТЕВ. – 1905. – № 10. – С. 1–4; Отчет АДМ за 1906 г. // ТЕВ. – 1907. – № 15. – С. 5, 9–16; № 16–17. – С. 1–9; Отчет АДМ за 1907 г. // ТЕВ. – 1908. – № 10. – С. 10–14; Отчет АДМ за 1908 г. // ТЕВ. – 1909. – № 14. – С. 569–584; Ленивейший из отцов церкви. Что такое «Ойрот», ожидаемый бурханистами на Алтае? // ТЕВ. – 1912. – № 1. – С. 1–7.

⁶⁵Соколов К., Постников В. Известия с Алтая // Православный благовестник (далее – ПБ). – 1907. – № 2. – С. 72–83; Иннокентий, епископ. Алтайская миссия за 1906 г. // ПБ. – 1907. – № 6. – С. 235–244; № 7. – С. 280–286; № 8. – С. 328–337; Мстиславский П. Религиозно-нравственная и просветительская деятельность Алтайской миссии по отношению к инородцам Алтая // ПБ. – 1908. – № 2. – С. 52–62; Иннокентий, епископ. Алтайская миссия за 1907 г. // ПБ. – 1908. – № 6. – С. 243–251; № 7. – С. 291–298; № 8. – С. 339–347; № 9. – С. 5–17; № 10. – С. 51–67; Иннокентий, епископ. Алтайская миссия за 1908 г. // ПБ. – 1909. – № 8. – С. 327–336; № 9. – С. 375–383; № 10. – С. 421–429; АДМ за 1910 г. // Бурханизм. Док-ты и мат-лы. – Горно-Алтайск, 1994. – Ч. 2. – С. 275–286.

⁶⁶Ландышев С. Космология и теогония алтайцев-язычников // Православный собеседник. – 1886. – № 3. – С. 308–334.

⁶⁷Потанин Г. Н. Среднеазиатский мессианизм // СЖ. – 1904. – 18 июля. – № 155 (прилож.). – С. 2–4; Потанин Г. Н. В Чемальском тупике // СЖ. – 1910. – 29 июня. – № 142. – С. 3.

⁶⁸Шишков В. Я. По Чуйскому тракту // СЖ. – 1913. – № 154. – 14 июля. – С. 3; № 159. – 20 июля. – С. 2; № 198. – 8 сентября. – С. 5–6.

ственных образований в состав Цинской империи в XVII – первой трети XVIII вв. и ослабление Джунгарии как очага ламаистского влияния на Алтае-Саянский регион; отсутствие границы между Российской и Цинской империями, русско-японская война 1904–1905 гг. Внутрirosсийскими факторами являлись: политика царского правительства и иных государственных учреждений, направленная на унификацию окраин с остальной частью империи, попытки преобразований поземельных отношений, вероисповедная политика царского правительства в отношении буддийской конфессии, имеющая региональные особенности, революция 1905–1907 гг.

3) Проникновение и внедрение ламаизма привело к изменениям в пантеоне, обрядовости и роли отправителя культа. Буддийские черты проявились в бурханистском движении. Функции служителей бурханизма имели больше общего с функциями ламы и сказителя (кайчи), чем с функциями шамана. Стала формироваться ученическая традиция. В структуре пантеона отчетливую форму приобрела тенденция к теизации – формирование образа единого бога Бурхана. В восприятии сверхъестественных посланников обозначились отдельные составляющие культа перевоплощенцев, характерные для ламаизма Тибета и Монголии.

Новизна исследования заключается в следующем:

– процесс распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона рассмотрен в контексте механизмов становления и экспансии буддийского учения в Центральной Азии;

– дана комплексная характеристика внутрirosсийских и внешнеполитических факторов, определявших особенности процесса внедрения ламаизма в структуру религиозных воззрений коренного населения Алтае-Саянского региона;

– выявлены общие и особенные черты в трансформации представлений о сверхъестественных существах пантеона, функциях и атрибутике служителей культов коренного населения под воздействием ламаизма.

Практическая значимость. Основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы для подготовки обобщающих научных работ и составления специальных курсов. Они были привлечены автором для формирования учебных рабочих программ общих курсов по истории религий, религиоведению, отечественной истории в КемГУКИ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений, глоссария.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность, рассматривается степень изученности темы, определяются объект и предмет исследования, его территориальные и хронологические рамки, цель и задачи, методология и методы исследования, характеризуются основные группы источников, раскрываются новизна и практическая значимость.

Первая глава «Механизм распространения буддийского учения и особенности восприятия его постулатов этносами Центральной Азии» состоит из двух разделов. В *первом разделе «Волны экспансии буддизма в Центральной Азии»* вводится условное понятие «волна экспансии». Под ним понимается этап распространения, локализованный на конкретной территории в определенный промежуток времени, в течение которого из конфессионального центра (очага) происходило проникновение и внедрение вероучения в социокультурную среду этноса. На его основе выделяются четыре волны распространения буддизма в Центральной Азии:

Первая волна (VI–IX вв.) – проповеднические акции в древнетюркских государственных образованиях и на территории Тибета, в первом случае очагом распространения являлась территория Средней Азии (Согдиана, оазис Хотан), во втором – Непал, Индия, Китай; буддизм испытывал конкуренцию со стороны автохтонных религиозных систем (тибетской бон-по, культа Неба, шаманства), а также других конфессий: манихейства, несторианства; учению Будды Шакьямуни не удалось закрепиться в указанных районах ввиду поддержки только части господствующей элиты общества (в Тибете сформировалась оппозиция удельных князей) и идеологической значимости прежних культов (тэнгрианские воззрения сакрализировали власть правителя);

Вторая волна (XI – первая половина XIV вв.) – восстановление позиций буддийских священнослужителей в Тибете, формирование школ-сект и влияние на монголов в период господства династии Юань в Китае; для Тибета очагом распространения буддизма продолжали оставаться Непал, Индия и Китай, а Тибет в свою очередь являлся центром конфессионального влияния на монголов; также наблюдалась взаимная поддержка иерархов школы Сакьяпа и хана Хубилая, постепенный рост влияния буддийских институтов в условиях ослабления светской власти;

Третья волна (конец XIV – первая половина XVIII вв.) – установление в Тибете гегемонии школы Гэлугпа (ламаизма), формирование на ее основе социального института ламства и теократического института власти Далай-ламы; широкое распространение ламаизма в тюркско-монгольском мире при покровительстве ханов многочисленных государственных образований; охват северной периферии религиозными процессами Центральной Азии: Забайкалья (очаг – Халха-Монголия) и Алтае-Саянского региона (очаг – Джунгария), переходящих под покровительство России; наблюдалась конкуренция со стороны шаманизма, перешедшая затем в переплетение буддийских и шаманско-анимистических представлений;

Четвертая волна (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) – очередной пик распространения ламаизма был связан: в Забайкалье с усилением экономического и административного контроля царской власти, развертыванием обновленческого движения в ответ на новые социально-экономические условия; а в Алтае-Саянском регионе – с изменением курса правительства, активизацией конфессионального влияния из-за рубежа, развитием бурханистского движения.

Во *втором разделе «Взаимодействие буддизма с этнокультурными традициями и социально-политическими институтами этносов Центральной Азии: основные тенденции и результаты»* характеризуется трансформация постулатов буддийского учения в процессе распространения в Центральной Азии и взаимодействия их с местными шаманскими и анимистическими традициями, а также актуализация отдельных буддийских концепций в условиях локальной социально-политической обстановки.

Северное направление буддизма (махаяна), сформировавшееся на рубеже эр, предполагая возможность достижения нирваны не только коллективом монашествующих членов общества, но и мирян, динамично распространялось в Центральной Азии. Важнейшей характеристикой трансформирующихся основ буддийского учения стало оформление пантеона сверхъестественных существ. Если ранний буддизм назывался буддологами нетеистической верой (т. е. «религией без Бога»), то в северных направлениях под воздействием автохтонных духовных систем стали формироваться представления о персонифицированном божественном начале. В частности наибольшую популярность приобрел культ бодхисаттв, дхармапалов, идамов.

Важнейшим преобразованием буддизма в Центральной Азии являлся генезис ламаизма. Тибетский реформатор Цзонкаба на рубеже XIV–XV вв. скорректировал основополагающие буддийские концепции и значительно укрепил роль ламы в обществе. Это привело к росту влияния духовенства в жизни сначала Тибета, а затем и Монголии. Стали оформляться представления о высших иерархах церкви как о перерожденцах действующих лиц пантеона, реальных исторических духовных и светских деятелях. Так, монашеская община формировалась из членов семей региона, а настоятели монастырей – посредством реинкарнации. И, наконец, сложился политический институт ламаизма в виде теократической государственной системы во главе с Далай-ламой.

Таким образом, в процессе распространения на территории Центральной Азии буддийское вероучение продемонстрировало определенную стратегию внедрения в структуру религиозных воззрений, социальных и политических отношений в течение нескольких волн. Важнейшими ее «звеньями» являлось знакомство с обстановкой в районе предстоящего закрепления, налаживание контактов с правящими элитами и получение их поддержки. Сначала происходила конфронтация с автохтонными духовными системами, заканчивающаяся затем адаптацией и сочетанием постулатов и доктрин. Кроме того, наблюдалось первичное институциональное оформление в виде школ-сект, а также использование буддизма в качестве идеологической опоры власти. Этому способствовал генезис ламаизма. Данная линия распространения, типичная для Центральной Азии, также проявилась в Алтае-Саянском регионе, находившимся на периферии этих религиозных процессов.

Вторая глава «Исторические условия распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона на рубеже XIX–XX вв.» включает два раздела. В *первом разделе «Внешинополитические факторы активизации ламаистской экспансии в Алтае-Саянском регионе на рубеже XIX–XX вв.»* дается оценка факторам, сложившимся вне пределов России, которые способствовали росту интенсивности ламаистской экспансии в интересующих автора временных рамках.

Долговременных характер имели два фактора, повлиявшие на процесс проникновения и внедрения ламаистских постулатов. Первым из них являлись последствия завоевания маньчжурами монгольских ханств и княжеств в XVII – первой половине XVIII вв. и политика Цинской империи на включенных в ее состав территориях. Очагом буддийского воздействия на этносы Алтае-Саянского региона в ходе

третьей волны распространения являлась Джунгария. В отличие от южных и северо-восточных государственных образований монголов, в течение нескольких десятилетий вошедших в состав Цинской империи и не оказавших ожесточенного сопротивления захватчикам, ханство западных монголов противостояло маньчжурской агрессии более века. Однако к середине XVIII в. Джунгария все-таки была захвачена и подчинена методами, приведшими к уничтожению большей части населения. Таким образом, центр распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона был крайне ослаблен, а противостоящий ему шаманизм восстановил свои позиции. Интенсивная буддийская экспансия продолжилась в конце XIX в. в условиях системного кризиса Цинской империи и сепаратизма, когда монгольские клерикальные круги стремились восстановить независимую государственность. Вторым долгосрочным фактором являлось фактическое отсутствие границы между Россией и Китаем, что позволяло сохраняться преемственности в волнах распространения ламаизма посредством родственных и торговых контактов между этносами Центральной Азии. Начало обустройства границы в 60-х гг. XIX в. не привело к прекращению этих отношений, поэтому буддийское воздействие сохранялось.

Среднесрочным фактором была умеренная покровительственная политика Российской империи по отношению к тибетской правящей элите в период агрессии Великобритании в Центральной Азии в 1904 г. Кроме того, поражение русских войск в русско-японской войне 1904–1905 гг. было воспринято коренным населением как утрата российской властью благоволения со стороны сверхъестественных сил. Это послужило дополнительным мотивом обращения к буддийскому учению в форме ламаизма.

Во втором разделе «Внутрироссийские процессы пореформенного периода как фактор внедрения ламаизма в духовную культуру этносов Алтае-Саянского региона» производится обзор внутрироссийских процессов пореформенного периода, определивших рост интереса коренного населения к буддийской конфессии.

Изменения в государственном курсе в отношении национальных окраин Российской империи (попытка уравнивания районов проживания коренных этносов с остальной территорией в фискальном плане, проведение административно-территориальной реформы, протекционизм по отношению к АДМ и др.) привели к нарастанию угрозы трансформации традиционных систем жизнеобеспечения и

природопользования, опасениям социальной верхушки потерять свой привилегированный статус. В этих условиях актуальным стало обращение к религиозной системе, освящавшей традиционный уклад и ассоциирующейся с общностью тюркско-монгольского мира.

Алтае-Саянский регион продолжал оставаться территорией соприкосновения волн распространения трех мировых религий: христианства (в форме православия), буддизма (в виде ламаизма) и ислама. Первое из них стойко ассоциировалось с русской земледельческой оседлой культурой, с теми изменениями, которые не были органичны для автохтонных народов. Два других воспринимались как традиции, связанные с кочевым пространством Средней и Центральной Азии: ислам – с иноэтничным и претендующим на пастбища, буддизм – с родственным. Влияние на религиозную ситуацию оказала государственная вероисповедная политика по отношению к буддизму и его проповедникам. Она имела региональные особенности в Сибири. Ламаизм был официально признан со стороны центральной и местной власти в Забайкалье среди бурят, где его институты регулировались экономическими мерами. В Алтае-Саянском регионе государство всячески стремилось пресекать любые попытки распространения данной религии.

Общероссийские политические события первой трети XX в. сформировали специфику внедрения буддийских постулатов. Так, революция 1905–1907 гг., предоставив всему населению России наряду с другими правами свободу вероисповедания, определила «охлаждение» к православию как русского, так и инороднического населения. Она способствовала росту интереса к другим конфессиям, в частности к буддизму. Революции 1917 г., а также последовавшие за ними гражданская война и утверждение советской власти в Сибири сначала ослабили контроль государственной власти над конфессиональными вопросами, а затем завершились антирелигиозной политикой, приостановившей влияние ламаизма.

Таким образом, пик распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона в конце XIX – первой трети XX вв. был обусловлен совокупностью разнородных внешнеполитических и внутрисоссийских факторов. Их сочетание определило как характер внедрения буддийских постулатов в структуру религиозных воззрений коренных этносов, так и тенденции развития самого вероучения. Одни исторические условия способствовали началу более глубокого укоренения постулатов рассматриваемой мировой религии в середине изучаемого периода

(востребованность новой духовной системы в ходе изменения государственного курса, угрожающего традиционному укладу), другие – определили незавершенность религиозных трансформаций на исходе интересующего автора отрезка времени (установление власти большевиков в Сибири и антирелигиозная политика).

Третья глава «Трансформация религиозных представлений коренного населения Алтае-Саянского региона под воздействием ламаизма в конце XIX – первой трети XX вв.» состоит из двух разделов. В *первом разделе «Бурханистский пантеон: взаимодействие ламаизма с анимистическими и христианскими элементами»* прослеживаются те изменения, которые произошли в шаманско-анимистическом комплексе представлений об устройстве мироздания, сущности и взаимоотношения сверхъестественных существ в процессе внедрения ламаизма.

Бурханистский пантеон стал логическим этапом трансформации буддийских представлений о сущности сверхъестественного начала, влиянии его на развитие земного мира и человека. Характеризуя изменения религиозных представлений коренного населения Алтае-Саянского региона в конце XIX – первой трети XX вв. под воздействием центрально-азиатских религиозных традиций, можно говорить об укреплении теистической тенденции в ламаизме. Это произошло под влиянием местных духовных предпосылок. Нетеистические концепции бытия и сущности человека, характерные для философского буддизма, вряд ли могли быть поняты и приняты этносами региона. Теизация буддийских воззрений была подкреплена монотеистической идеей, вошедшей в религиозное сознание коренного населения под влиянием целенаправленной проповеднической деятельности православных миссионеров в XIX – начале XX вв., а также генотеистической тенденции шаманско-анимистического пантеона. В итоге складывание представлений о едином божестве Бурхане было определено совокупностью конфессиональных влияний. Алтае-Саянский дуализм, испытавший в домонгольскую эпоху воздействие манихейства и тэнгрианства, лег в основу бурханистского антагонизма, в результате чего направление в видоизменении идей устройства мироздания в ламаизме получило новый импульс развития. Сочетанием ряда разнородных религиозных воздействий стала идея скорого прихода божественного посланника. В качестве основы, по-видимому, был использован христианский постулат о мессии, однако он был воспринят поверхностно и наполнен близким коренному населению по содержанию представлением о возврате легендарной исторической личности Ойрот-хана. Учение буддизма

не осталось в стороне и на этот раз, поскольку имелись примеры восприятия отдельных элементов концепций перерожденцев и эманаций.

Во *втором разделе «Культурная практика бурханизма: буддийско-анимистический синтез и трансформация функций отправителей ритуалов»* излагается видение автором проблемы формирования бурханистской обрядовости и трансформации функций отправителей культа как следствия воздействия ламаизма.

Бурханизм в условиях борьбы за последователей проявил резко отрицательное отношение к шаманским ритуалам. Однако если многие из последних сначала были отвергнуты им, то в последующий период наблюдалось переплетение и активное взаимодействие составляющих этих традиций. По-иному проходил контакт между ламаизмом и анимистическими верованиями. В обрядовости это проявилось в продолжение почитания духов огня, воды и т. д. Наглядно данная тенденция отразилась в пантеоне бурханизма. Немаловажным результатом внедрения буддийских традиций в духовную культуру народов Алтае-Саянского региона стала эволюция института отправителей культа. По своим функциям и роли в сообществе последователей бурханизма они стали ближе к ламе, чем к шаману. Будучи не монополярными мистическими посредниками между уровнями мироздания, а предводителями молений и знатоками обрядовых действий, ярлыкчи выполняли наставническую роль по отношению к своим сородичам и неофитам. Вместе с тем, принципиально иным образом стала налаживаться преемственность духовных лиц. Если метафизические способности шамана во многом приобретались спонтанно, вне зависимости от стремлений человека посредством получения мистического дара, то в бурханизме, под воздействием буддийской традиции, обозначились контуры религиозного ученичества. Человек, стремящийся к положению религиозного лидера, осознанно следовал своей цели, перенимая у учителя все необходимые знания и навыки. Эта черта свидетельствовала о пересмотре в рамках бурханизма системы взаимодействия адепта учения и божественного начала, а также была предпосылкой к оформлению обособленной группы в составе коллектива верующих, сосредоточившихся на понимании путей следования воли сверхъестественного.

Таким образом, итогом распространения ламаизма среди коренного населения Алтае-Саянского региона в конце XIX – первой трети XX вв. стало формирование новых характеристик иерархии сверхъестественных существ. Обозначилась тенденция укрепления представлений о едином боге (им стал Бурхан), ожидания

прихода его посланника (Ойрот-хана, Шуну, Амырсана). В ней в качестве основной составляющей присутствовало не только влияние догматов православия, но и развитие буддийского учения в направлении теизма. В восприятии сверхъестественных посланников обозначились отдельные составляющие культа перевоплощенцев, характерные для ламаизма Тибета и Монголии. Произошли ощутимые изменения в обрядовости, выразившиеся в новых функциях священнослужителей. По-иному стала налаживаться преемственность отправителей культа (становление ученической традиции).

В **Заключении** подведены итоги исследования, сформулированы общие выводы работы. Распространение ламаизма на территории Алтае-Саянского региона в конце XIX – первой трети XX вв. было этапом долговременного процесса взаимной адаптации и трансформации буддийского учения в социокультурных условиях Центральной Азии. Он имел не линейный, а, выражаясь условно, скачкообразный характер, поскольку для него были типичны периоды возрастания интенсивности проповеднической активности, но, вместе с тем, и временное ослабление динамики проникновения и внедрения в комплекс религиозных воззрений, структуру социальных и политических институтов общества.

Активизацию экспансии этой мировой религии определила тесная взаимосвязь внутрисоссийских и внешнеполитических факторов. Часть из них носила долговременный характер. Так, особенности включения в состав Цинской империи монгольских ханств и княжеств способствовали тому, что располагавшаяся на западной окраине Джунгария из-за длительного сопротивления и, в конечном итоге, проигрыша маньчжурам уступила свои конфессиональные позиции как очага влияния на Алтае-Саянский регион Халха-Монголии на рубеже XIX–XX вв. Кроме того, фактическое отсутствие границы между Россией и Китаем не сдерживало административными барьерами процесс распространения ламаизма. Постепенно к концу XIX в. накапливались предпосылки нового пика проникновения ламаизма. Они выразились в вероисповедной политике государства, покровительствовавшей православию и его институтам, экономически ограничивающей вероучения национальных окраин, а в интересующем автора случае, пресекавшей проповеднические попытки буддийского духовенства Монголии. К среднесрочным факторам можно отнести следующие: изменение принципов правительственного курса по отношению к коренному населению Алтае-Саянского региона на рубеже XIX–XX вв., стремле-

ние провести поземельные и фискальные преобразования, русско-японскую войну 1904–1905 гг. и др. Совокупность факторов определила как возможность устойчивого и интенсивного влияния, так и стремление коренного населения воспринять буддийские постулаты в обстановке, угрожающей традиционному укладу и устойчивейшей системе социально-политических отношений.

Результатом внедрения ламаизма в структуру религиозных представлений автохтонных этносов Алтае-Саянского региона стало складывание новых черт пантеона сверхъестественных существ. Наблюдалась тенденция развития вероучения в сторону монотеизма, возрастания мессианских чаяний. В ней в качестве основной составляющей присутствовало не только христианское влияние, но и направление в трансформации буддийского учения в сторону теистического учения. В восприятии сверхъестественных посланников обозначились отдельные составляющие культа перевоплощенцев, характерные для ламаизма Тибета и Монголии. В сфере культовой практики была зафиксирована иная роль священнослужителей (не монопольного посредника, а руководителя моления), стала формироваться ученическая традиция.

Апробация результатов исследования. Итоги научных изысканий по теме обсуждались на расширенном заседании лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета (далее – КемГУ). Результаты диссертационного исследования были включены в доклады ряда научно-практических конференций и семинаров межрегионального, всероссийского и международного уровней, проходивших в г. Кемерово, Томск, Новосибирск, Барнаул, Красноярск, Иваново. Также были подготовлены разделы по духовной культуре шорцев и южных алтайцев справочника «Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования» (г. Барнаул, 2009 г.). Помимо этого, опубликована статья в журнале «Мир Евразии» (г. Горно-Алтайск, 2010 г.) и две статьи в журналах, включенных ВАК в перечень ведущих рецензируемых научных изданий. Всего по теме исследования издана 21 публикация, наиболее значимые из них указаны в списке публикаций.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Насонов, А. А. Основные тенденции в изучении ламаизма в российской буддологии (80-е гг. XX – начало XXI в.) [Текст] / А. А. Насонов // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. – Барнаул, 2008. – № 4-4 (60). – С. 137–139 (0,4 п. л.).

2. Насонов, А. А. Особенности распространения северного буддизма в Южной Сибири и его влияние на природопользование коренного населения [Текст] / А. А. Насонов // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. – Барнаул, 2009. – № 4-3 (64). – С. 143–145 (0,4 п. л.).

Публикации в других научных изданиях:

3. Насонов, А. А. Культурное значение распространения ламаизма в Монголии [Текст] / А. А. Насонов // Научное творчество молодежи : материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Томск : ТГУ, 2006. – Ч. 2. – С. 71–73 (0,1 п. л.).

4. Насонов, А. А. Оценка религиозно-политической деятельности Цзонкабы в отечественной и зарубежной историографии [Текст] / А. А. Насонов // Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» : Востоковедение. – Новосибирск : НГУ, 2006. – С. 32–33 (0,1 п. л.).

5. Насонов, А. А. К вопросу об отказе от термина «ламаизм» в отечественной буддологии в 90-х гг. XX – начале XXI в. [Текст] / А. А. Насонов // Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей : материалы II (XXXIV) Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых КемГУ. – Кемерово : ООО «ИНТ», 2007. – Вып. 8. – Т. 1 – С. 168–170 (0,1 п. л.).

6. Насонов, А. А. История северного буддизма (ламаизма) в трудах отечественных исследователей последней трети XIX – начала XXI в. [Текст] / А. А. Насонов // Культурное единство Азии : сборник материалов межрегиональной общественно-научной конференции. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. – С. 28–38 (0,5 п. л.).

7. Насонов, А. А. Эволюция взглядов Л. П. Потапова на сущность бурханизма в 1930–1940-е гг. [Текст] / А. А. Насонов // Материалы XLVI Международной

научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» : Этнография. – Новосибирск : НГУ, 2008. – С. 68–70 (0,1 п. л.).

8. Насонов, А. А. Ламаизм на территории Южной Сибири: проблемы межконфессиональной толерантности [Текст] / А. А. Насонов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 6. – С. 15–17 (0,2 п. л.).

9. Насонов, А. А. Этноконфессиональный аспект традиционных экологических знаний коренного населения Южной Сибири [Текст] / А. А. Насонов // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока : сборник материалов Всероссийской конференции / под ред. Г. В. Майера. – Томск : ТГУ, 2008. – С. 244–245 (0,1 п. л.).

10. Насонов, А. А. Духовные истоки формирования бурханизма [Текст] / А. А. Насонов // Научное творчество XXI в. : сборник трудов Ежегодной Всероссийской научной конференции учащихся, студентов и молодых ученых. – Красноярск : Научно-информационный издательский центр, 2009. – Т. 2. – С. 54–56 (0,2 п. л.).

11. Насонов, А. А. Традиционная экологическая культура Алтае-Саянского региона и буддизм: особенности взаимодействия и потенциал дальнейшего развития [Текст] / А. А. Насонов // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. И. И. Назарова. – Барнаул : АРТИКА, 2009. – С. 64–66 (0,15 п. л.).

12. Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования [Текст] : информационно-методологический справочник / гл. ред. И. И. Назаров, отв. ред. А. Н. Садовой, В. Н. Владимиров. – Барнаул : Азбука, 2009. – 310 с. (25,3 / 0,6 п. л.).

13. Насонов, А. А. Современные тенденции в изучении бурханизма [Текст] / А. А. Насонов // Актуальные вопросы истории Сибири : Седьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : сборник материалов научной конференции / отв. ред. В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2009. – С. 26–27 (0,2 п. л.).

14. Насонов, А. А. Сущность процесса синкретизации (на примере взаимодействия буддизма и традиционных духовных систем Южной Сибири) [Текст] / А. А. Насонов // Глобализация и пути сохранения традиционной культуры : сборник статей Международной научно-практической конференции. – Кемерово : Изд-во КемГУКИ, 2009. – С. 117–121 (0,4 п. л.).

15. Насонов, А. А. Особенности политики властей Российской империи в отношении буддийских проповедников на территории Русского Алтая в конце XIX – начале XX в. [Текст] / А. А. Насонов // Государство, общество, церковь в истории России XX в. : материалы IX Международной научной конференции. – Иваново : Изд-во ИвГУ, 2010. – Ч. 2. – С. 152–158 (0,4 п. л.).

16. Насонов, А. А. Влияние буддизма и христианства на формирование вероучения бурханизма в ходе процесса синкретизации на территории Алтае-Саян в конце XIX – начале XX в. [Текст] / А. А. Насонов // Мир Евразии. – Горно-Алтайск, 2010. – № 2 (9). Апрель–июнь. – С. 64–68 (0,6 п. л.).

17. Насонов, А. А. Взаимодействие буддийских, христианских и анимистических элементов в пантеоне бурханизма [Текст] / А. А. Насонов // Государство, общество, церковь в истории России XX в. : материалы X Международной научной конференции. – Иваново : Изд-во ИвГУ, 2011. – Ч. 1. – С. 554–561 (0,4 п. л.).